

08.05.2019

Задохнулись канонады, в
мире – тишина.

На большой Земле
однажды кончилась
война.

Будем жить, встречать
рассветы, верить и
любить.

Только не забыть бы это!

Лишь бы не забыть...

Роберт

Рождественский

В музее школы 18 одна
из экспозиций
посвящена Великой
Отечественной войне.
Мы обновили
часть экспозиции
«Война в истории моей
семьи». Назвали

74-й годовщине Великой Победы посвящается...

МЫ ДОЛЖНЫ ИМ ПАМЯТЬ

детей: воспоминания
детей - узников
фашистских лагерей
и угнанных на
работу в Германию». В школе состоялась
встреча с
Синегрибовым
Леонидом
Кирилловичем,
редактором газеты
«Судьба» - газеты
Международного
союза бывших
малолетних узников
фашизма, который
передал в дар

школьной библиотеке
книги - воспоминания
малолетних узников
фашизма. Мы
создали видеоролик
для школьной
видеокниги памяти.
В газете «Судьба» №
178, 2019 г.
опубликовано ин-
тервью экскурсовода
музея Соседенко
Анастасии с
Синегрибовым Л.К.
Мы признательны
Л.К. Синегрибову за
плодотворное

сотрудничество.

Руководитель музея
МАОУ «СОШ №18»
Макарова М.А.

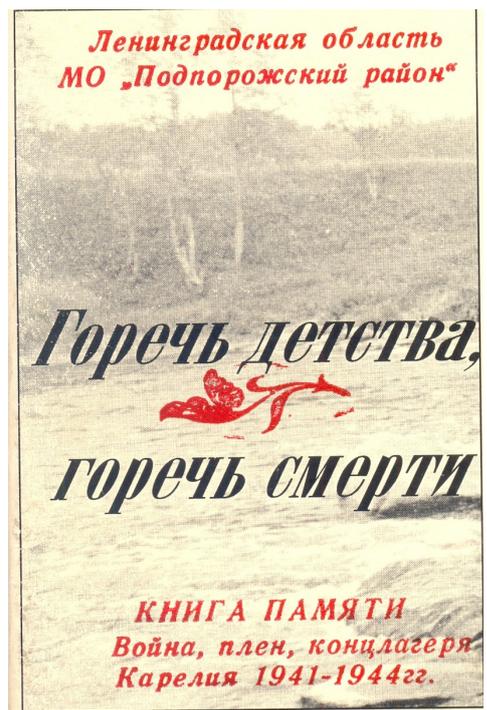

ЧИТАЯ КНИГУ «ГОРЕЧЬ СМЕРТИ, ГОРЕЧЬ ДЕТСТВА» КАРЕЛИЯ

Гурьева (Ведюкова) Зинаида Николаевна, 1931 года
рождения, уроженка деревни Вороницы во время войны
находилась в концлагере № 5 города Петрозаводска. До
войны наша деревня располагалась на берегу Свири, в
нескольких километрах от Подпорожья в сторону Вознесенья.
Отец

мой, Ведюков Николай Николаевич, всю жизнь трудился на
водном транспорте. Он честный, добрый, безумно был влюблен
в свою профессию речника (капитан и механик буксирных
пароходов). За долгий безупречный труд на водном транспорте
был награжден многими медалями, а также высшей наградой
Родины - орденом Ленина. Мать, Наталья Антоновна, была
простая крестьянка, занималась домашним хозяйством и
растила детей, которых к началу войны было семь человек.
Отец в то время работал в районе Вытегры и домой не
заглядывал. Когда стало известно, что враг вступил в пределы
нашего района, мы спрятались в лесу за деревней, надеясь, что
долго финны здесь не задержатся и мы вернемся домой.
Вражеские солдаты вскоре нашли нас в лесу и отправили в
концлагерь за проволоку. С первых дней лагерной жизни
начался голод. Зимой 1941 года мама заболела «водяной» и
вскоре умерла. За ней умерла младшая моя сестренка Наденька,
1940 года рождения. Мы остались одни. Мне в ту пору было
десять лет. Зимой 1942 года умерли Володя и Вера, 1928 года
рождения. Остались мы вчетвером. Сашу финны выслали в
посёлок Кутижма на лесозаготовки, а нас, младших, в детский
дом в Петрозаводске. После войны нашел нас отец и мы
поехали на родину, только от Вороницей не осталось и следа.
Фашисты уничтожили деревню. Остановились мы на жительство в
поселке Ольховец, где трудилась я всю мою жизнь в линейной
амбулатории медицинской сестрой.

З.Н. Гурьева

08.05.2019

Балашова Зинаида Петровна, 1932 года рождения (девичья фамилия Фирсакова) уроженка деревни Кимозеро, Подпорожского района. Узница концлагеря № 3, г. Петрозаводска. Мои родители Фирсаковы Петр Егорович и Анастасия Ефимовна имели до войны шестерых детей. Жили мы перед войной в Важинах. Старший брат Петя учился там в ремесленном училище, ему тогда в 1941 году

74-й годовщине Великой Победы посвящается...

концентрационный лагерь в Петрозаводске (1943 г., фото)

ция учащихся картошки, ни хлеба. За несколько дней до этого мама родила шестого ребенка, болела и не могла сама нести новорожденную Римму. Кое-как добрались до своей деревни. Думали здесь найти спасение от войны и от врага. Однако через несколько дней и в Кимозеро пришли финны. Так мы оказались в плену. Началась лютая,

холодная и голодная зима. В течение первых девяти месяцев, как мы оказались за проволокой, умерли от голода один за другим младшие три брата и сестричка Римма. Освободили нас из лагеря советские моряки, которые прибыли по Онежскому озеру на катерах.

З. П. Балашова
г. Петрозаводск

Мемориальная доска в городе Петрозаводске

Лагерь "Ильинский" располагался в бывшем поселке небольшого лесопильного завода в двадцати километрах от г. Олонца. Площадь его была где-то один квадратный километр. На ней стояли восемь двухэтажных домов-бараков и ещё были амбулатория, больница, пекарня, но они мало чем отличались внешне от жилых помещений. Обитателями этого лагеря были: старики, женщины, дети, вывезенные сюда с берегов Свири и русские из Карелии. По соседству с нашим лагерем находился ещё один небольшой концлагерь с финским названием "Паалу" (Бывший лесочасток "Нурмойла"). В лагере "Ильинский" было в начале войны три всего лишь 700 заключенных. Заселение этих концлагерей началось в сентябре 1941 года. Концлагеря были обнесены колючей проволокой и установлены сторожевые вышки. Может быть, и можно было в ночное время убежать из этих лагерей, но куда? Западная Карелия была полностью оккупирована фашистскими войсками. В бараках спали на полу и выручали самодельные "козлы", на которые настилали доски и покрывали каким-нибудь тряпьем. Получалось какое-то подобие кровати. У многих не было посуды, чтобы вскипятить воду, сварить пищу. Приспосабливали всякие банки, склянки, военные каски и котелки. Если кто-то сумел привезти какие-то пожитки, в первые же месяцы лагерной жизни они были променяны за кусок хлеба или картошку местным жителям близлежащих деревень. Карел, вепсов, ингерманланцев в концлагерях не содержали. Они жили на свободе. В лагерях Олонецкого района жили бок о бок русские, белорусы, украинцы, татары, евреи, цыгане. Помогали друг другу, делились последним куском хлеба. Норма хлеба в Олонецких лагерях в 1941-1942 годах была определена в 100-150 граммов. Только вода не имела нормы, брали её из реки Олонец. (далее стр. 4)

Уважаемая редакция
газеты "Судьба"

Эту бесценную книгу

"Зорек детства..."

мы с благодарностью передаём к 10-летию
МС БМФ и решим все её подарить.
Сведём для неё собранный за годы
/Надо было на много раньше это
сделать/.

Мы ждем встречи с ветераном
газеты "Судьба" для нас как
своей вояки, как лучик солнца
во тьме.

Желаем всем сотрудничать
газету здоровой, творческой, успешной,
мирной и благополучной.

Презс. Носовской
орг. БМФК -

Л. Власов

2.02.98г.

г. Носовская
Ленинград. обл.

08.05.2019

1941 году я, Фая Логинова (Мастафанова), пошла в 4 класс начальной школы деревни Кукеряги, но учиться не пришлось. Шла война. Эвакуироваться не было возможности, как как в Важинах и в Вознесенье уже были финны, а выехать из нашей деревни можно было только по Свири. Речной транспорт - пароходы и баржи шли транзитом и к нашему берегу не причаливали. Мы, жители деревни, что смогли - так это

74-й годовщине Великой Победы посвящается...

Я ВСЁ ПОМНЮ КАК БЫЛО...

но финны нас нашли и отправили в концлагерь № 5 города Петрозаводска. Мы попали, наверно, в самый страшный лагерь, в нем было в начале до восьми тысяч узников, за первые два года почти половина перемерла от болезней, голода и холода. Всё трудоспособное население гоняли из

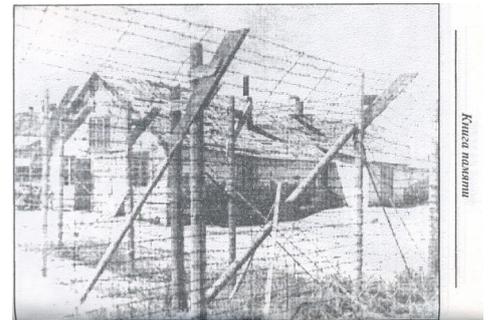
лагерей под конвоем на работу на слюдяную фабрику, в паровозное депо, на пристань. Самой тяжелой была работа вручную, с помощью веревок и багров, вытаскивать на берег из Онеги лес. На берегу пленные его сортировали, и часть (отходы) шла на дрова для нужд нашего концлагеря. За труд фашисты не платили, но немного

увеличивали дневную норму хлеба. Моя мама тоже ходила на эти каторжные работы, но вскоре заболела водянкой, опухла и умерла. Я в одиннадцать лет осталась одна. Отец умер на фронте от ран. На слюдяной фабрике работали дети 13 - 14 лет. Мне в 1944 году тоже пришлось здесь работать, началась моя трудовая жизнь.

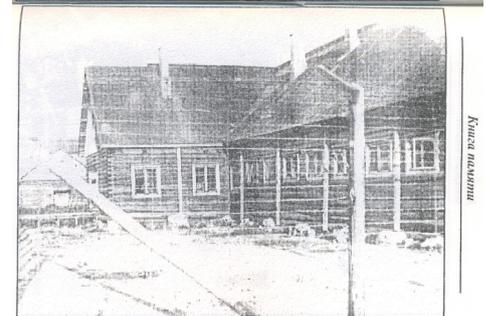
ЧИТАЯ КНИГУ «ГОРЕЧЬ СМЕРТИ, ГОРЕЧЬ ДЕТСТВА» КАРЕЛИЯ

С этого времени началась моя трудовая жизнь. Работали дети на фабрике плохо, норму не выполняли. Рабочий день длился 4-5 часов. На "слюде" работали только девочки. Лагерь № 5 был расположен в районе старого железнодорожного вокзала в Петрозаводске. Здесь были одноэтажные шлакоблочные бараки и двухэтажные деревянные дома. Мы жили в 14-метровой комнате девять человек, где было всегда холодно. Электрического света в лагерях не было - жгли вечерами, когда темно, зимой и осенью лучину. За проволоку просить хлеба, что-нибудь выменять или украсть в основном бегали мальчишки. Ох и попадало же им от лагерных охранников, когда поймают! Бывали случаи, когда стреляли со сторожевых вышек, если заметят, что перелезаешь за проволоку. ползать от одного к другому, а они, звери, били его и били до тех пор, пока он не упал замертво. В лагерях были открыты школы - двухлетки, где преподавали для детей грамматику, арифметику и закон Божий. Посещаемость школ была низкой: не в чем было ходить в школу, не было обуви и одежды, были голодными и не было, конечно, желания учиться. В лагере у нас была церковь, которая тоже размещалась в бараке. Служба в ней шла на русском языке. Многие старухи посещали её и усердно молились Богу. А ещё в лагере был детский дом, правда, небольшой: на 40-50 человек. Освободили нас из концлагеря моряки - краснофлотцы, прибывшие в Петрозаводск по Онежскому озеру на военных катерах 26 июня 1944 года. Оккупантов в городе уже не было. Через день прибыли в город пехотные части Красной Армии. Кто пережил ужас концлагерей, знает цену сладкому слову свобода.

Ф. Мастафанова

Книга: Память

Книга: Память

МЫ РОДОМ НЕ ИЗ ДЕТСТВА

Постепенно обитатели концлагерей вымирали, и в бараках стало свободнее. В 1942-1943 годах финны стали вывозить трудоспособное население в лесные поселки на заготовку леса и отправлять в Суоми. Много подпорожских подростков попали на лесозаготовки: Видлица, Тулокса, Вилга, Матросы, Деревянка, Озерги, Падозеро и другие. Там тоже люди гибли от

непосильной работы, голода, холода и болезней.

Вот что рассказала мне Валентина **Васильевна Пакостина**. Мы же эвакуироваться не успели. В лесу нас нашли финны и отправили в концлагерь №5 Петрозаводска. Мне было в 1941 году 16 лет и попала я на лесозаготовку "Озерги". Поселили нас в бараки, спали на нарах. Ели какую-то баланду из железных банок. Кругом колючая проволока, полицейские и злые собаки. Ежедневно с семи часов утра пилили ручной пилой лес. *Фотография концлагеря, располагавшегося в*

Петрозаводске в районе Перевалочной биржи. Снимок сделан военным корреспондентом Галиной Санько после освобождения Петрозаводска летом 1944 года, использовался советской стороной на Нюрнбергском процессе.

ЧИТАЯ КНИГУ «ГОРЕЧЬ СМЕРТИ, ГОРЕЧЬ ДЕТСТВА» КАРЕЛИЯ

Обрубали сучья деревьев, жгли костры. За любую провинность можно было получить плетки.

Зима 1941-42 годов была особенно лютой, а мы не имели никакой теплой одежды и обуви. Здесь в лесу я простыла основательно и всю жизнь потом мучилась, перенесла 8 операций.

С каждым днем жизнь становилась все более невыносимой, мучили голод и холод. С конвоем приводили нас на лесозаготовки и также уводили обратно в лагерь. Вечером, возвратившись на лагерную территорию, кидались к помойной яме, что была недалеко от столовой, надеясь найти там хотя бы картофельные корки, но доставались они ребятам, кто был постарше и посильнее. Наверное, вы не поверите, но мы в эту зиму ели крыс. Да, да крыс. Делали самодельные

крысоловки, потом жертву варили и ели. Пожалуй, голод страшнее войны. Помню, как-то мы, трое девочек, убежали за проволоку - за дохлой кониной и нарвались на полицейских, жестоко били они нас плеткой. Долго я потом плакала, проклиная эту жизнь. В 1943 году строили мы дорогу от населенного пункта Ватнаволоок до Ильмасельги. Носили и возили на тачках камни и песок, рыли канавы - и все это вручную. Зимой 1943-44 годов думала, что умру, а было мне уже 18 лет. Лежала в лагерной больнице четыре месяца, заболела малярией. После этой хвори меня "списали" как нетрудоспособную, ослабла до предела, еле передвигала ноги. Отправили на "легкий" труд - няней в детский дом в Петрозаводск, где

содержались дети умерших в лагере родителей. У меня была группа 15 человек в возрасте 3-5 лет. Работала здесь до освобождения города нашими войсками. Детский дом расформировали, а я перешла на железную дорогу.

Вот что рассказала жительница п. Важины В. А. Лыскова:

Помню, нас, несколько десятков женщин, выстроили в ряд финские солдаты и стали отбирать на работу в пекарню, как объявил переводчик. В число 15 человек попала и я. Работали с 7 утра до вечера. Пайку хлеба получали побольше, чем другие. С собой унести что-либо было невозможно, но я иногда всё же умудрялась пронести кусочек хлеба своим мальчишкам Саше и Анатолию. Так вот и спасла их... Самое страшное - это побег из лагеря. Однажды на площадь в центре нашего поселения солдаты бросили двух наших военнопленных, которые работали

5 Карелии лагерей не только мирных людей, но и лагерей военнопленных, обитатели которых почти все остались в карельской земле. Мы, бывшие малолетние узники фашистских концлагерей, последние свидетели той войны, кто может ещё рассказать своим и чужим детям и внукам, как важно на земле беречь мир, что больше всех на свете страдают в войну именно дети, ни в чем не повинные.

В. Л. Шадрова,
председатель Подпорожского
отделения Российского союза
бывших малолетних узников
фашистских концлагерей.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ . . .

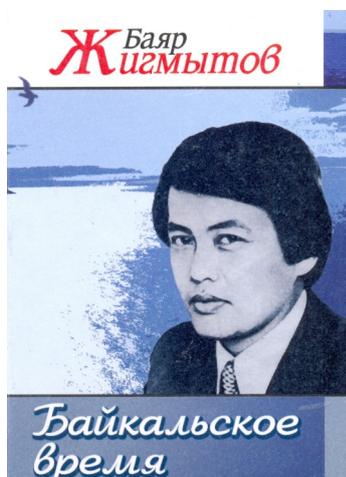
на Пекарне и совершили побег. Я увидела два окровавленных трупа, которые обмывали наши женщины, оплакивая их. Схватили этих пленных на правом берегу Свири в районе Лодейного Поля. Несколько суток беглецов содержали в карцере (был приспособлен ледник-склад), а потом приговорили к страшной смертной казни: пленных привязали ногами к телеге, лошадь погонял психически больной палач Маттала. Он ночью по проселочной дороге гонял лошадь, а привязанные жертвы бились головами о дорожный булыжник.

Более гуманно к пленникам стали относиться финны лишь тогда, когда была прорвана блокада Ленинграда. Сразу же была прибавлена норма хлеба, стали давать муку (отмеряли кружкой на семью), появились ржаные галеты, сахарин. Иногда давали конскую колбасу, наполовину сдобренную перловой крупой. Смертей в лагере заметно поубавилось.

Кто знал о концлагерях Карелии? Никто, кроме самих узников, но они молчали. Как будто и не было в

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «СУДЬБА»

МАЛЬЧИК ИЗ ОСВЕНЦИМА

1

Он спрятал дудку в нары
И сгорбился в ожидании боли.
«Я ничего плохого не играл,
Это песенка моего детства».

«Ай, почему я не король!
Я сижу на красной земле,
Рядом смерть натирает веревки.
Я безумен - играю веселье
На пронумерованной дудке.

Ай, почему я не король!
Я дрожу в полосатых лохмотьях,
Черными пальцами закрываю
И открываю клапаны,

Дую в жестяную трубку.
Ай, почему я не король!»

2

Но кто посмеет запретить
О жизни бедной петь и петь,
Что означает - жить.
Пускай Освенцим, голод, страх
И завтра поведут на казнь -
Сегодня он поет. Он жив,
Свобода выше страха смерти.

3

..... Там было
Прозаичней, страшнее и проще,
И об этом все знают. Есть
Документы и воспоминания.
Так зачем мне приснился
Этот лагерь Освенцим?
Я в другое время родился...
На смоленском Арбате,
В семье курсанта,
Через восемь послевоенных лет....
Но тревожит простой документ,
Где за цифрой стоит человек
Умерщвленный.
Он тоже певал
На каком-нибудь польском наречии,
На испанском каком диалекте
Или по-русски.

Б. Жигмитов

